

ПОЛИНА

© О. Л. ДОВГИЙ,

кандидат филологических наук

Статья является второй частью материала об истории существования в русской поэзии трех взаимосвязанных имен: *Прасковья, Полина, Параша*. Данный материал – об имени *Полина*.

Ключевые слова: женские имена в русской поэзии, семантический ореол имени, *Прасковья, Полина*.

The article being the third part of the material concerning the existence of three interrelated names (Praskovya, Pauline, Paracha) in Russian poetry, is dedicated to Polina.

Key Words: female Names in Russian Poetry, Name Semantisc, Praskovya, Polina.

Имя *Полина* имеет несколько версий происхождения. Первая – самая распространенная – от имени древнегреческого бога солнца Аполлона и означает «солнечная» или же «посвященная Аполлону». В этом случае Полина – одна из форм популярного в России имени *Аполлинурия*. Вторая версия – имя *Полина (Павлина, Паула, Паулина)* французского происхождения; женский вариант мужского имени *Поль (Павлин)*, что переводится с латинского языка как «маленький». Полина не упоминается в православных святцах; крестят Полин обычно под именами *Пелагея* и *Аполлинурия*.

В XVIII–XIX веках имя *Полина* использовалось как уменьшительное к имени, данному при крещении. И, как правило, замена эта знаковая. Как мы увидим далее, часто *Полина* заменяет не *Аполлинурию* или *Пелагею*, а *Прасковью*, что и позволяет включить имя в наш «триптих».

В поэзии имя появляется уже у Карамзина в стихотворении «К лесочку Полины» (1797): «Тебя, лесочек, насадила / Полина собственной

рукой. / Кому же посвятила? – / “Богине прелестей”. – Итак, себе самой». Семантика имени включает юность, светскость, капризность, французскость.

К.Ф. Рылеев добавил в ореол имени *Полина* кладбищенских красок. В 1821 году он написал две эпитафии Полине – «М.Г. Бедраге»: «На смерть Полины молодой, / Твое желанье исполняя, / В смущеньи, трепетной рукой, / Я написал стихи, вздыхая...» и стихотворение под названием «Пр[асковье] Тих[оновне] Чир-ной»: «Под тенью миртов и акаций / В могиле скромной сей / Лежит прелестная подруга юных граций: / Ни плачущий Эрот, ни скорбный Гименей, / Ни прелесть майской розы, / Ни друга юного, ни двух младенцев слезы / Спасти Полину не могли!».

Как видим, в заглавии героиня названа крещеным именем *Прасковья*, а в тексте – *Полиной*, так как весь традиционный «античный» антураж требует и европейского имени.

В стихотворении А.И. Полежаева «Воспоминание» (1825) Полина – романтическая роковая красавица, виновница тяжких страданий героя, которые не может заглушить время. Воспоминания о любви к ней причиняют ему боль: «Исчезли, исчезли веселые дни, / Как быстрые воды умчались; / Увы! но в душе охладелой они / С прискорбною думой остались. / Как своды лазурного неба мрачит, / Облекшись в бури, ненастье, / Так грусть мое сердце и дух тяготит. / Полина, отдай мое счастье! / Полина! о Боги! почто я узрел / Твои красоты несравненны! / Любовь без надежды мой грозный удел. / Безумец слепой, дерзновенный! / Чтоб видеть улыбку на милых устах, / Я жертвовал каждой минутой / И пил не блаженство в прелестных очах, / Но яд смертоносный и лютой... Далёко, Полина, далёко оно, / Восторгов живых упоенье; / Быть может, навек и навек мне одно / В награду осталось мученье...». Яркость, страстность, умение причинять страдания – вот что добавляет полежаевская Полина в нашу копилку.

В пушкинской среде эта форма имени была очень употребительна. Так, дочь Вяземских Прасковью, о которой уже шла речь в предыдущей статье о Прасковье (Русская речь. 2016. № 5), Пушкин в письмах иногда называет и *Полиной*: «Вяземские здесь. Бедная Полина очень слаба и бледна» (Н.Н. Пушкиной. 3 авг. 1834). Как видим, Пушкин в разных ситуациях использует разные формы имени *Прасковья* для достижения различного смыслового и эмоционального эффекта. В данном случае здесь главное – молодость и светскость.

Успокаивая жену, Пушкин пишет: «Твоя Шишкова ошиблась: я за ее дочкой Полиной не волочился, потому что не выдывал...» (Н.Н. Пушкиной. 30 июня 1834). Здесь *Полина* – знак светской барышни.

Если брать связь имен *Прасковья* – *Полина*, часто осью сравнения оказываются оппозиции «русское / французское», «молодость / зрелость».

Вспомним юность «старушки Лариной»: «Бывало, писывала кровью / Она в альбомы нежных дев. / Звала Полиною Прасковью / И говорила нараспев. / ...И русский Н / Как N французский / Произносить умела в нос...». Замена формы имени носит знаковый характер: «французскость» означает светскость, принадлежность к определенному (высшему) классу общества; кроме того, в данном случае это еще и молодость. Ее собственное имя тоже было «офранужено». «/Княжна, Mon ange/ “Pachette” – Алина!...» – так, прежними светскими юношескими именами, встречают друг друга постаревшие кузины в VII главе. «Pachette» – это конечно же, Прасковья Ларина в юности. Двух барышень, носивших одинаковое имя, в свете звали разными «офрануженными» именами. Замужество меняет ориентиры Прасковьи Лариной – и эта смена показана через замену имени: «...стала звать/ Акулькой прежнюю Селину...». К ней вместе с чепцом и «на вате шлафором» приходит старинное, «просторное» имя *Прасковья*. О том, как ее звали в молодости, читатель узнает только в VII главе.

О моде на замену имен говорил и В.Г. Белинский в статье «Параша»: «Оттого до замужества почти каждая из них – *ангел доброты, дева чудная, неземная, идеальная, Полина или Надина*, а после замужества – солидная дама с весом в обществе, женщина с *характером, Палагея Петровна и Надежда Алексевна...*».

Приведем еще пример знаковой замены имени. Модистка-франуженка Жанетта *Полина* Гебль (Pauline Gueble), последовавшая за возлюбленным в Сибирь, в замужестве переименовала не только фамилию, но и имя – и превратилась в *Прасковью* Егоровну Анненкову, жену декабриста. Эта романтическая история вдохновила не одного художника – достаточно вспомнить фильм В. Мотыля «Звезда пленительного счастья». Опера Шапорина «Декабристы» первоначально называлась «Полина Гебль». В этой героине важны сила любви, жертвенность, умение идти наперекор общепринятым законам. Эти качества окажутся постоянными в семантическом ореоле имени.

Полину Гебль не забудут и в XX веке. Она упоминается в поэме А. Кручёных «Декабристы» (1928): «Помещица, / толстуха тысячная Анненкова, / тащит сына / курчавца-офицера / в модный магазин. /А там Полина Гебль / с глазами-изюминками / и с газовой грудью / ему, кавалергарду, / себя вверяет / беззаветно, / для осторожности примолвив: / – Все русские мужчины / лукавы и изменчивы! – / Но он по чистой совести... / Восстанье решено, / устав прочитан / и нежнее верного к Полине расположен / он слово закрепляет / обручением с ней...»; в поэме о декабристах В.А. Кораблинова «Протеза» (1927): «Вывесочник рисует франтиху / с вывихом в левой ноге: / вывесочник пошляк. / За звенящею дверью – Полина Гебль / Салон Модных Шляп...». В обеих поэмах

востребованной оказывается французскость Полины, ее принадлежность к миру моды, ее история любви.

Способность противопоставить чувство мнению света и поплатиться за это не только честью, но и жизнью — главные качества героини романа М.Н. Загоскина «Рославлев»: «Ее мать, *Прасковья* (курсив здесь наш. — *О.Д.*) Степановна — вздорная, пустая светская дама, помешанная на всем французском. Свою дочь, в крещении *Пелагею*, она на французский лад звала *Полиной*». Форма имени оказывается принципиальной для понимания характера героини, совершившей, с точки зрения света, страшное преступление: в пору войны с Наполеоном сочетавшейся браком с пленным французом. Смерть Полины упрочивает семантику страданий и смерти среди значений имени.

Имя *Полина* оказывается связующим звеном между двумя сочинениями, носящими одинаковое название «Рославлев», — загоскинским и пушкинским. Полина Пушкина принципиально отличается от Полины Загоскина — но именно «офранцузженная» форма имени дает стержень для сравнения двух героинь; Пушкин подчеркивает, что сохраняет имя, данное героине Загоскиным.

В «Пиковой даме» *Полиной* зовут молодую княжну, на которую дуется и на которой женится Томский. В данном случае имя — знак великосветского антуража.

В конце XIX века эта Полина волею автора оперного либретто М.И. Чайковского окажется важным действующим лицом в опере «Пиковая дама» (1890) — подругой Лизы, которая исполняет очень важный для всего действия оперы романс на стихи К.Н. Батюшкова, заканчивающийся словами: «Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах? / Могила». Мало кто помнит, что стихи написал Батюшков; в народе это просто «романс Полины». Романс становится модным; а мрачные коннотации в имени *Полина* сгущаются.

В поэме Н.М. Языкова «Липы» рассказана драматическая история о том, как по прихоти начальственного самодура были срублены родовые липы в саду аптекаря Кнара. Его жена Алина, для которой эти липы были «альбом родных и милых ей людей», не смогла этого вынести и умерла на месте. Имя *Полина* в поэме встречается дважды — что говорит о его модности. Так зовут одну из светских дам: «...вот и две жены / Двух генералов, бывшие княжны / Мстиславские: Елена и Полина...»; так зовут дочку Алины, на глазах которой она и умирает: «Вдруг слышит крик; Полина / И Макс бегут, и плачут и кричат: / “Папа, папа, иди скорее в сад; / Мама больна, в сад воры приходили / И взяли наши липы...”. Будет ли легким и веселым ее характер, если в раннем детстве на ее глазах умерла ее мать? Эта поэма подтверждает уже отмеченные нами коннотации имени: модность, светскость; страдания, нелегкую судьбу.

У В.С. Курочкина в «Веселых разговорах» (1866) имя тоже просто знак светского общества: «-Милая Полина, мы без гроша сами. / Муж ждет ревизора, от испугу болен, / Entre nous, он будет, кажется, уволен, / Коля и Анюта без надежды в кори...».

У Аполлона Григорьева в поэме «Вверх по Волге» Полина упоминается как «фальшивая» предшественница настоящей возлюбленной героя; он подробно описывает их отношения: «С Полиной, помнишь, до тебя / Я жил; любя иль не любя, / Но по душе... Обоим было / Нам хорошо. Я знать, ей-ей, / И не хотел, кого дарила / Дешевой ласкою своей / Она — и с кем по дням кутила...». Окончание связи с этой Полиной, о которой рассказано с применением снижающего бестиарного сравнения, не может не вызвать иронической улыбки: «И мы расстались. Нам была / Разлука та не тяжела; / Хотя по-своему любила / Она меня, и верю я... / Ведь любит борова свинья, / Ведь жизнь во всё любовь вложила...».

Итак, в XVIII–XIX веках имя *Полина* в литературе используется для замены имен *Пелагея* или *Прасковья* и имеет семантику молодости, светскости, сильных страстей, готовности к самопожертвованию, смерти.

В XX веке имя *Полина* становится самостоятельным; уже мало кто помнит о его родстве с *Пелагеей* и *Аполлинарией*. В поэзии оно появляется благодаря популярности его носительницы — летчицы Полины Осипенко, трагически погибшей в 1939 году. Эта гибель автоматически включает ее в нашу категорию «Полин умерших».

Ей посвящают стихи М. Светлов и А. Твардовский. Стихотворение Твардовского «Полина», написанное за год до гибели героини, рассказывает о ее жизненном пути: от «птичницы, по имени Полина, созывавшей «во дворе цыплят», до «летчицы, по имени Полина», совершившей «славный перелет» «над великой русской равниной».

Стихотворение М. Светлова «Полине Осипенко» (1939) — отклик на смерть летчицы. Основная его мысль — Полина заслужила бессмертие: «Сквозь легенды, сказанья, былины / Далеко ль до бессмертья идти? / — сказала б Полина, / Но не может произнести... / Ни слезой, ни печалью не надо / Омрачать наш прощальный салют, / Если с русской женщиной рядом / Боевые легенды идут. / Этот образ, знакомый и милый, / Разве время от нас заслонит?.. / Вся страна перед свежей могилой / Близким родственником стоит. / И никто не пройдет стороною, / Каждый замысел, каждый порыв, / Все мечты свои перед тобою, / Как живые цветы, положив, / Чтоб сквозь годы другим поколениям / Славу женщины передать — / Самолетом, *стихотвореньем* (Курсив наш. — О.Д.) — / Всем, что может быстро летать!». Отметим мотив сохранения имени *Полины* и памяти о ней в поэзии.

Если в начале XIX века имя *Полина* было знаком молодости, то во второй половине XX века оно неожиданно становится знаком старости; причем ореол смерти продолжает над ним витать. Возможно, это

связано с тем, что имя перестало быть модным и остались те, кто «донашивал» его, – женщины зрелого и преклонного возраста. В рассказе «Тетя Поля» В. Шаламова (1958) речь идет о судьбе женщины, осужденной на десять лет, сумевшей в лагере войти в привилегированную касту дневальных, но умершей от рака. Лишь смерть открыла ее настоящее имя. Рассказ заканчивается эпизодом с крестом над ее могилой. Равнодушный нарядчик дал такое указание художнику: «Ничего не нахожу, кроме инициалов. – Тимошенко П.И. Пиши: Полина Ивановна. Умерла такого-то числа». Отметим, что в конце 50-х годов самым первым именем, пришедшим на ум, было имя *Полина*. Но через неделю пришел отец Петр, исповедовавший тетю Полю и сказал, «что тетю Полю зовут не Полина, а Прасковья, и не Ивановна, а Ильинична...». Перед нами замена вроде бы чем-то напоминающая пушкинскую. Но есть существенная разница: эту Прасковью люди звали не *Полиною*, а *Полей* – другим уменьшительным именем. Выходит, в это время имя *Полина* было более употребительным, более престижным, чем «старорежимное» *Прасковья*. Видимо, в молодости Прасковья стала зваться модным именем *Полина*; имя осталось при ней, в свою очередь, еще более сократившись.

А в поэме Б. Слуцкого «Как убивали мою бабу» (1963) рассказано о том, как встретила смерть русская женщина Полина – тоже пожилая. Это единственный найденный нами пример, где имя *Полина* дано с отчеством: «Из каждого окна / шумели Ивановны и Андреевны, / плакали Сидоровны и Петровны: / – Держись, Полина Матвеевна!..»

Итак, имя *Полина*, являясь производным от *Аполлинарии*, в сознании людей и литературе часто оказывается связанным с другим именем – *Прасковья*. Интересна динамика «возрастной семантики»: от юности к старости. Возможно, это связано с волнами моды на имя *Полина*. В конце XX века девочек называли *Полинами* очень часто. Возможно, нас ждет и новая волна поэтических посвящений Полине.

МГУ им. М.В. Ломоносова